

Для многих видов, как речных (кряква, свиязь), так и морских уток (турпан, синьга, морянка) очень характерны летние миграции на линьку, в которых участвуют преимущественно самцы и неполовозрелые особи.

Утки, как и гуси, за короткое время способны легко преодолевать очень большие расстояния. За один миграционный бросок они покрывают 500–600 км (скорость полета мигрирующих уток достигает 80 и более км/час (Якоби, 1966)).

В целом область зимовок «наших» уток охватывает все водные угодья Западной Европы от Центральной Балтики до Атлантики, а на юге – бассейны Средиземного и Черного морей вплоть до центральной Африки, в меньшем количестве они зимуют также в бассейне Каспийского моря (Астраханская область).

Кулики, гнездящиеся по берегам водоемов (перевозчик, зуйки), на болотах (бекас, дупель, ржанка, турухтан) в лесах (черныш, вальдшнеп), тундрах (песочники), на сельскохозяйственных угодьях (чибис, большой кроншнеп), весной летят как по одиночке, так и стаями, останавливаясь в тех же местах, что и водоплавающие птицы. Зимовки одних видов находятся в Европе, других – в Африке. Однако о местах зимовок и путях пролета большинства из них известно очень немного. Особенностью куликов является наличие у них летних ночных миграций, которые бывают в июне-июле и не имеют определенной направленности. Кроме того, они отличаются большими масштабами послегнездовой дисперсии.

ЛИТЕРАТУРА

Атлас миграций птиц Ленинградской области по данным кольцевания / Под ред. Г. А. Носкова и С. П. Резвого. СПб. 1995. 232 с.

Бианки В. В., Бойко Н. С. Кольцевание птиц сотрудниками Кандалакшского заповедника на белом море и по плану Северной орнитологической станции, а также на Баренцевом море // Кольцевание и мечение птиц в России и сопредельных государствах. 1988–1999. М.: 2002. С. 61–71.

Зимин В. Б., Лапшин Н. В., Артемьев А. В., Хохлова Т. Ю. Результаты кольцевания птиц в Карелии // Кольцевание и мечение птиц в России и сопредельных государствах. 1988–1999. М.: 2002. 73–116.

Зимин В. Б., Артемьев А. В., Лапшин Н. В., Тюлин А. Р. Олонецкие весенние скопления птиц. Гуси. М.: Наука. 2007. 299 с.

Лапшин Н. В. Сезонные миграции гусей и казарок в Карелии по данным кольцевания // Биологические основы изучения, освоения и охраны животного и растительного мира, почвенного покрова Восточной Финноскандии. Междун. Конфер. и выездн. Научн. Сессия отд. Общ. Биол. РАН. Петрозаводск. 1999. С. 88–89.

Якоби В. Э. Морфо-экологические приспособления к скоростному полету у птиц // Механизмы полета и ориентации птиц. М.: Наука. С. 64–81.

4.2. МЛЕКОПИТАЮЩИЕ

4.2.1. Виды индикаторы

Мониторинговые наблюдения за видами-индикаторами таежных экосистем позволяют регистрировать изменение структуры фаунистических комплексов, нарушение биоценотических связей и общие изменения среды обитания, вызванные естественными или антропогенными факторами. В итоге такие исследования формируют основы биоиндикации всех изменений таежной биоты.

Определить (выбрать) индикаторные виды млекопитающих для Европейской тайги весьма непросто, главным образом по причине довольно широкого распространения большинства из них как в пределах бореальных лесов, так и в зонах тундры и смешанных лесов. Именно поэтому были выбраны животные, принадлежащие к фаунистическому комплексу северной тайги. Южные пределы их распространения почти совпадают с границей подзоны и не выходят за пределы таежной зоны. Таковы, среди охотничьих зверей росомаха и лесной северный олень. Именно они наиболее адекватно ответили сокращением численности и области распространения на широкое применение подсечного земледелия в XVIII–XIX веках, а в XX-м на интенсивные рубки леса на больших площадях. Другие виды, обитающие в Европейской тайге, такие как заяц-беляк, лесная куница, бурый

медведь, лось и др., распространены значительно шире и встречаются далеко за пределами этой ландшафтной зоны; они более эврибионтны и не столь «чутко» относятся к антропогенной трансформации среды обитания.

Росомаха – *Gulo gulo* L.

Распространение. Численность. Биотопическое распределение. В минувшем столетии европейская часть ареала росомахи значительно сократилась. В начале XIX века этот хищник обитал почти на всей территории Северной Европы за исключением южных частей Норвегии, Швеции и юго-запада Финляндии; встречался в Эстонии, Латвии, Литве, Польше, Украине, Белоруссии и почти на всей территории северо-западных областей СССР (Гептнер, 1967; Новиков, 1956, 1963; Landa et al., 2000) (рис. 1).

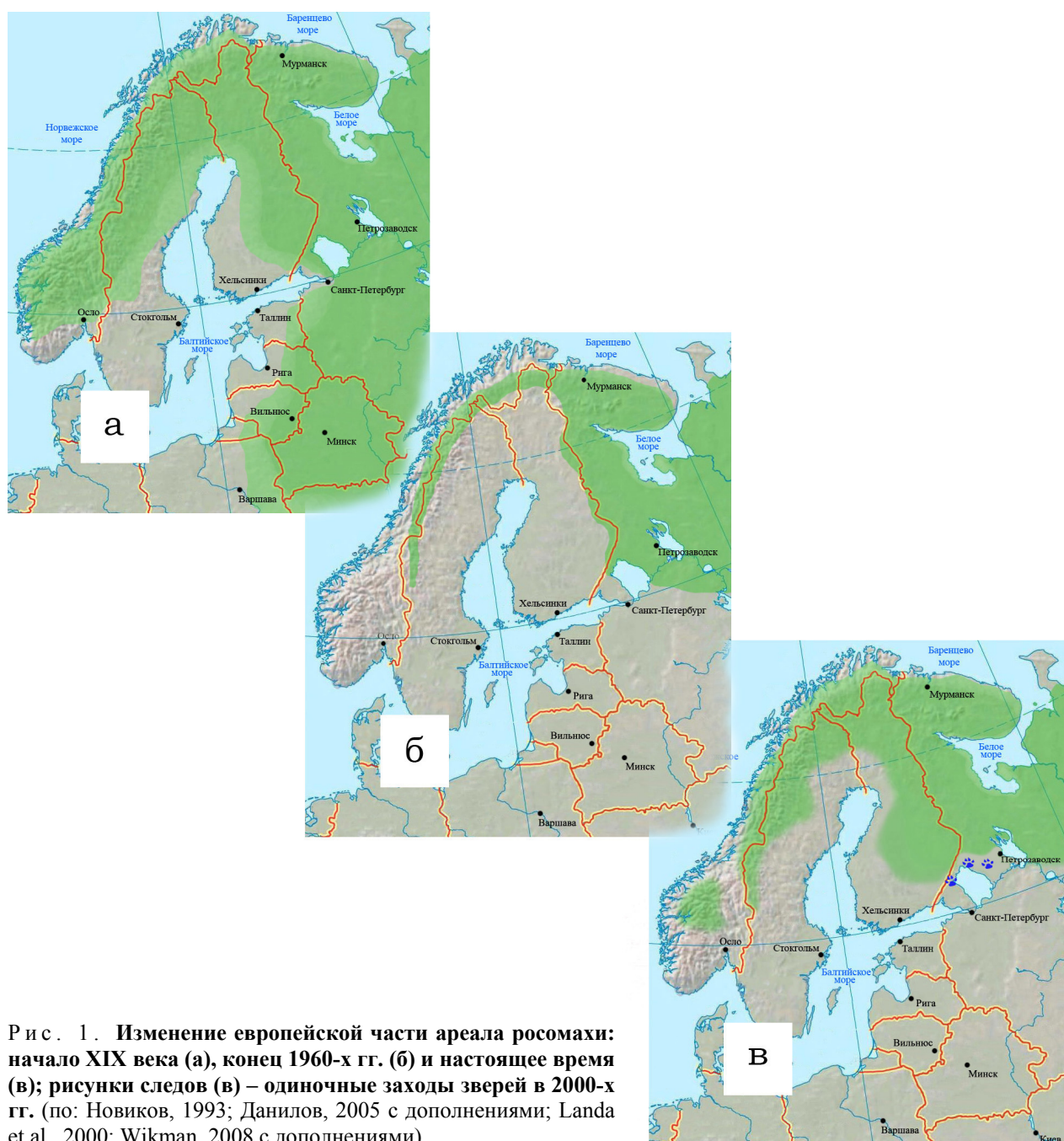

Рис. 1. Изменение европейской части ареала росомахи: начало XIX века (а), конец 1960-х гг. (б) и настоящее время (в); рисунки следов (в) – одиночные заходы зверей в 2000-х гг. (по: Новиков, 1993; Данилов, 2005 с дополнениями; Landa et al., 2000; Wikman, 2008 с дополнениями)

Несколько десятилетий спустя – к 1970-м годам, росомеха исчезла с большей части территории Норвегии и Швеции, в Финляндии ее можно было встретить главным образом на севере и востоке вдоль границы с Карелией. Полностью она исчезла в Прибалтике, Белоруссии, на Украине, значительно сократился ее ареал на Северо-Западе России (рис. 1).

В последние 20 лет в Норвегии, Швеции и Финляндии наблюдается постепенное восстановление ареала и численности вида. Так в Финляндии в 1980-е годы насчитывалось 60–70 (Nyholm, 1996), а в начале 2000-х годов 120 зверей (Landa et al., 2000). В Норвегии сейчас чуть больше 150 животных, а в Швеции немногим меньше 300 особей.

Современная северная граница распространения росомехи в Европейской части России совпадает с береговой линией Белого и Баренцева морей. Известны встречи зверей и на крупных островах Белого моря.

Южная граница ареала еще в 1960-е годы проходила на западе по северным районам Ленинградской обл. (Данилов и др., 1973; Данилов, Туманов, 1976). Однако уже в конце 1970-х годов отмечены только единичные встречи следов росомех на северном и северо-восточном побережье Ладожского озера. В следующие десятилетия в Карельском Приладожье следы хищника наблюдали только в 1984, 1986 и 1988 годах (в последнем всего 5 следов на 2057 км маршрута). Затем более 10 лет следы хищника в южных районах Карелии не встречались. Суммируя приведенные данные, приходится констатировать, что всего за 25–30 лет вид отступил на север на 50–70, а местами на 100 км (рис. 2).

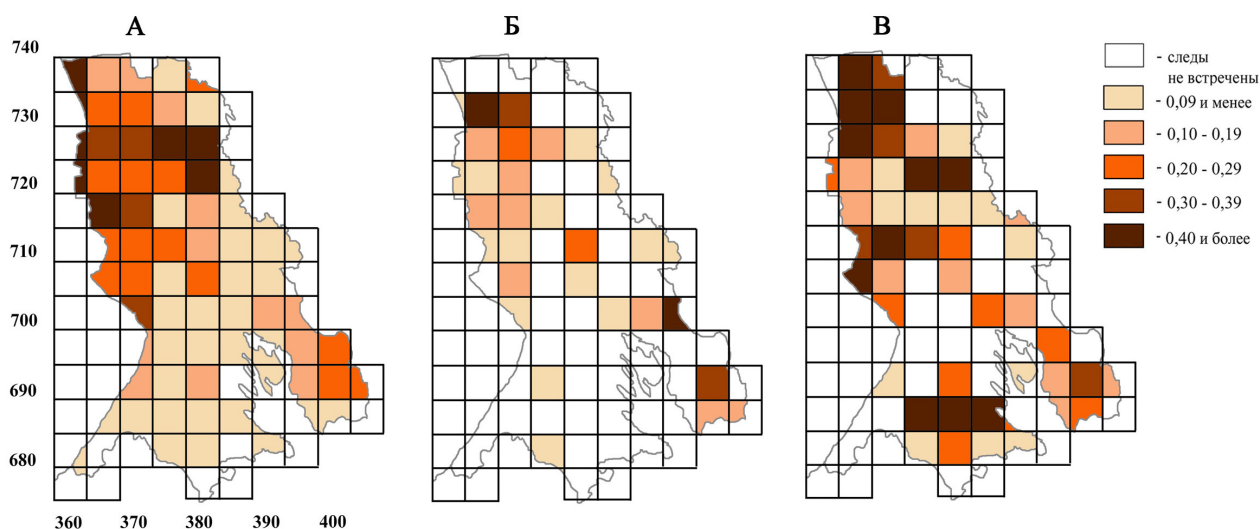

Рис. 2. Численность и распределение росомехи в Карелии: А – среднее за 1990–2010 гг., Б – год наименьшей, В – год наибольшей численности, следов на 10 км маршрута

В последнее десятилетие следы росомехи регистрируются при проведении зимних маршрутных учетов в Лахденпохском, Прионежском и Сортавальском районах Карелии (рис. 2).

Восточнее Карелии – в Вологодской обл. граница ареала вида проходит несколько южнее. Следы росомехи, по данным Б. В. Новикова (1993) регулярно встречались в конце 1980-х годов в пограничном с Карелией Вытегорском районе. Вместе с тем он же (Б. В. Новиков) пишет, что в Архангельской обл., где росомеха отмечается регулярно, она – «... не посещает обычно только Каргопольский и Коношский р-ны». Это кажется несколько странным, поскольку и в Пудожском р-не Карелии, граничащим с Каргопольским р-ном и в Вытегорском р-не Вологодской обл., расположенным южнее Каргопольского, росомеха в те годы обитала. По данным ЗМУ в 2007–2008 гг. росомеха в Вологодской обл. встречалась в Великоустюжском, Вытегорском, Нюксенском и Тотемском административных районах, общая численность вида – несколько особей.

В самом северном регионе края – Мурманской области росомеха распространена по всей территории, включая тундру, но наибольшая плотность ее населения наблюдается в центральных, вос-

точных и южных районах (рис. 2). Общая численность росوماхи здесь по разным данным достигает 300 (Новиков, 2006) – 440 (Губарь, 2007) особей.

Обычна росумаха в северных районах Карелии – Лоухском, Калевальском, Кемском, Беломорском, реже встречается в центральной части республики. В среднем в подзоне северной тайги относительная численность вида в последнем десятилетии составила – 0,18 (0,10–0,26) следа на 10 км. В подзоне средней тайги относительная численность хищника почти на порядок ниже и в среднем составляет – 0,03 (0,01–0,06) следа на 10 км маршрута. Всего в настоящее время в Карелии обитает 150–170 животных. В Ленинградской обл. и южнее – в Новгородской и Псковской областях росумаха не встречается. В Архангельской области росумаха обычна. Всего в области обитает около 650 животных (Губарь, 2007).

Таким образом, общая численность хищника на Европейском Севере России составляет немногим более 1200 особей.

Движение численности. Численность росوماхи за годы наблюдений не оставалась постоянной, однако заметить какую-либо периодичность ее изменений по данным учета численности и статистики пушных заготовок весьма затруднительно. Если принять, что годы максимальных заготовок шкур соответствуют максимальной численности вида, как это очевидно для ряда других пушных зверей, то подъемы и спады численности росوماхи следовали через 9–12 лет (рис. 3).

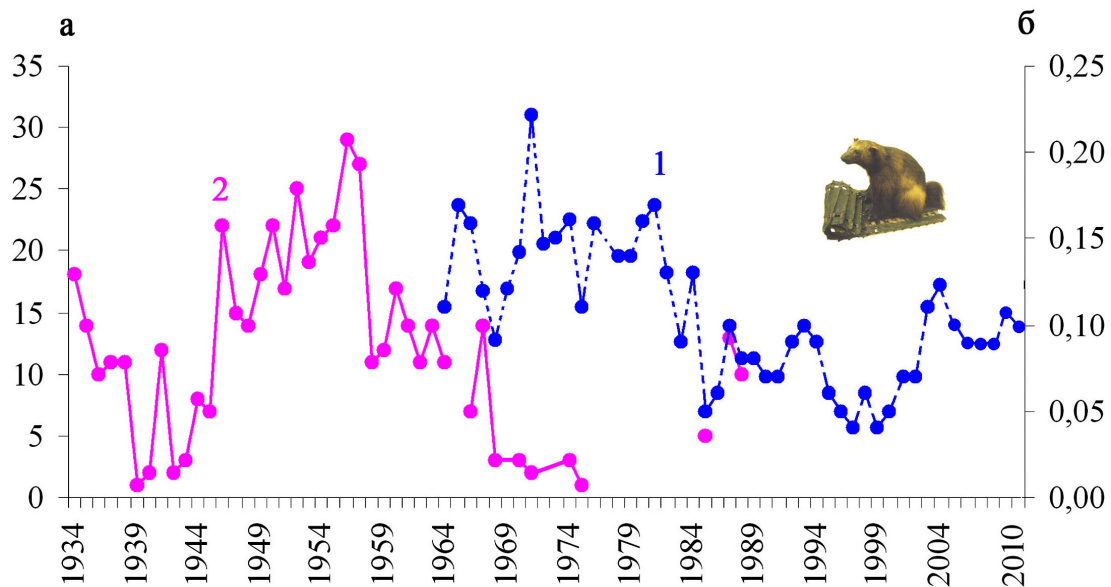

Рис. 3. Численность (1) и заготовки шкур (2) росوماхи в Карелии. По оси абсцисс – годы, по оси ординат а – заготовки шкур, шт., по оси ординат б – численность, следов на 10 км маршрута (по: Данилов, 2005 с дополнениями)

В начале – середине 1980-х годов на всем Европейском Севере началось драматическое сокращение численности и области распространения росوماхи. Причины мы уже называли (Данилов, 1994; 2003; 2005) – это широкое и бесконтрольное использование яда при попытке регулирования численности волка в 1960–1980-е годы, а также активное преследование росوماх с использованием снегоходов, которые особенно широко стали распространяться на открытых пространствах северных и приморских районов региона в начале 1980-х годов.

В настоящее время охота на росوماху в Карелии запрещена, в Мурманской и Архангельской областях легальная добыча не превышает 2-х десятков особей, в целом в регионе наблюдается постепенный рост численности вида. Вместе с тем, по мнению ведущего специалиста по проблеме сохранения росوماхи Б. В. Новикова (Новиков и др., 2008), ситуация на всем Европейском Севере остается таковой, что в любом из регионов севера России при ослаблении охранных функций росумаха может быть потеряна как вид всего за 2–3 охотничьих сезона.

Северный олень – *Rangifer tarandus fennicus* Lönnb.

Распространение. Численность. На значительной части лесной территории Европейского Севера России в далеком прошлом и в наши дни, хотя и на значительно меньшем пространстве, обитал и обитает **лесной северный олень** – форма, выделяемая в самостоятельный подвид – *Rangifer tarandus fennicus* Lönnb.

Лесной северный олень имеет более крупные размеры по сравнению с тундровым, отличается от него заметной высоконогостью. Длина тела взрослых самцов (хирвасов) – 144–214 (175) см, высота в холке 116–141 (129) см (n=25), самок (важенок), соответственно: 122–188 (166), 111–132 (120) см (n=30). Среди самцов встречаются очень крупные особи, достигающие веса 200 и немногим более (205, 210, 215) кг. (Данилов, 2005). Заметно отличаются и рога лесных и тундровых оленей. Корона рогов лесных оленей более узкая V-образная. Надлобные отростки рогов отходят от основного ствола выше надглазничных (рис. 4). Особенности морфологии дают лесному оленю возможность лучше зимовать в лесу при глубоком и рыхлом снеговом покрове.

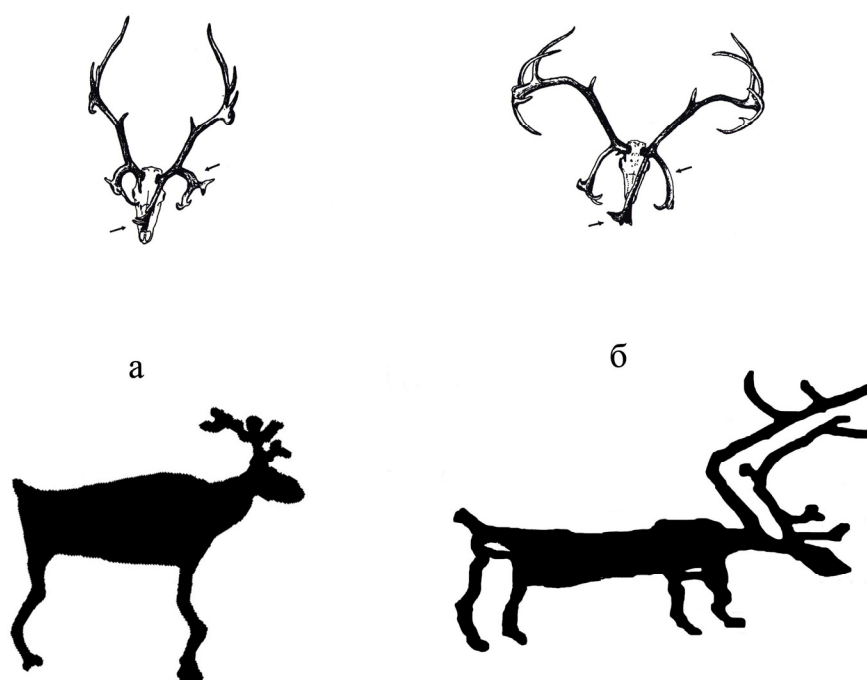

Рис. 4. Особенности строения рогов и общего габитуса лесного (а) и тундрового (б) северных оленей. Рисунки рогов (по: Siivonen, 1994); рисунки оленей среди петроглифов: а – в Карелии (по: Савватеев, 1970) и б – в Норвегии (по: Byrgren, 2006)

Распространение и численность дикого северного оленя за обозримый период претерпели самые серьезные изменения на всем пространстве Европейского Севера России. Чтобы понять происходящее, определить современный статус, тенденции развития и пути восстановления вида мы предлагаем здесь краткий обзор динамики ареала лесного северного оленя в регионе в исторически обозримый период. Несмотря на то, что часть этих материалов была опубликована ранее (Данилов, 1975; 1979; 2005; 2009 а, б; Данилов и др., 1973; 1986; Danilov, 1982, 2003, Heikura, 1998, Heikura et al., 1985, Kojola, 1996, 2007, Kojola et al., 2003, 2004), мы считаем возможным повторить их, дополнив при этом новыми данными, поскольку динамика ареала один из основных предметов мониторинговых наблюдений.

Самые ранние сведения о существовании лесного северного оленя на территории Северной Европы и его значении в жизни древнего человека датируются 3–2,5 тысячами лет до нашей эры. Источниками этих сведений стали находки археологов при раскопках стоянок и могильников древнего человека, а также его рисунки на скалах – петроглифы (в Карелии и на Кольском п-ове открыто четыре таких места). О том, что это был именно лесной олень убедительно свидетельствует среда обитания животных, которая была представлена в то время на Кольском полуострове средней, а

в Карелии – южной тайгой (рис. 5) (Елина и др. 2000), а также хабитусы тундрового и лесного оленей, представление о которых дают их изображения среди петроглифов (рис. 4).

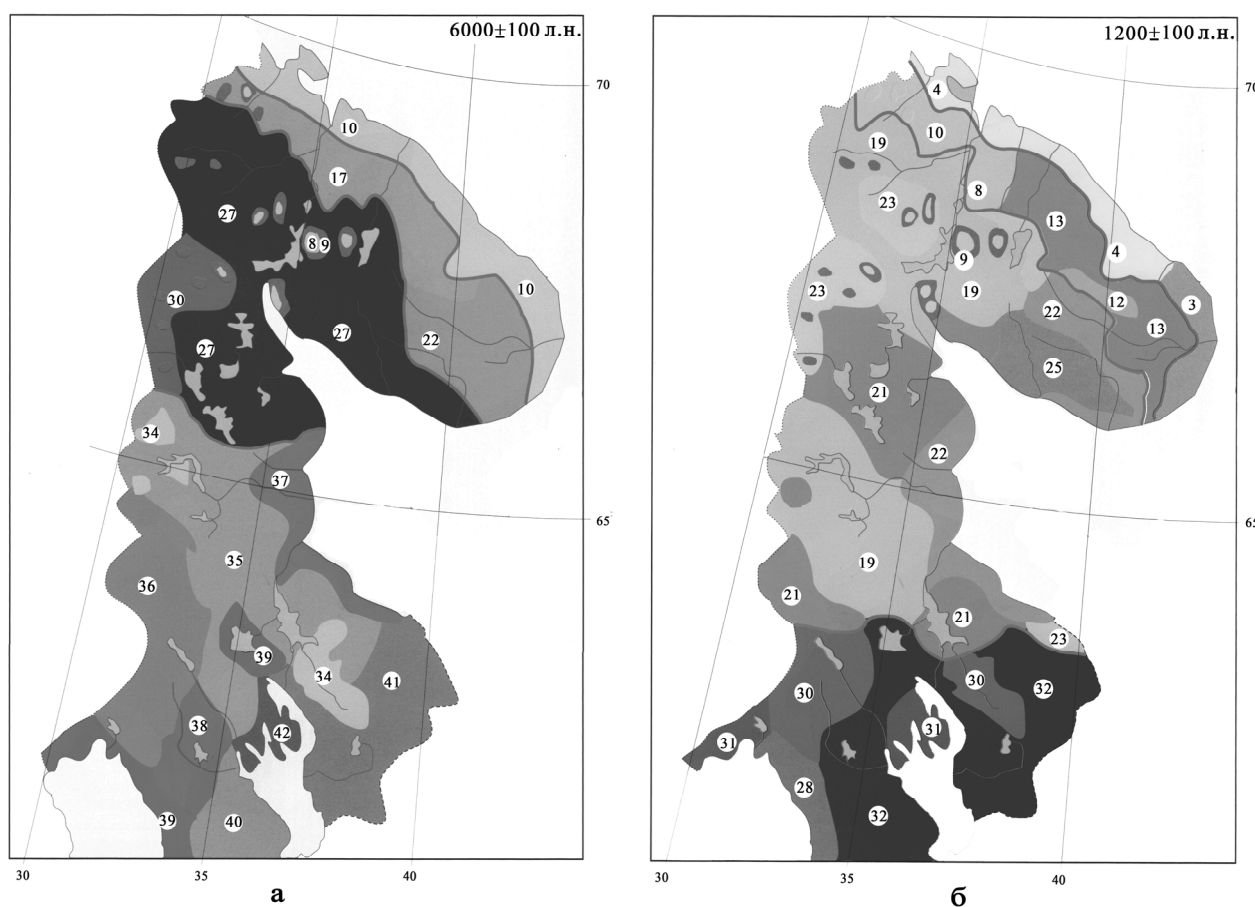

Рис. 5. Зональность лесов Карело-Мурманского края: а – 6 тыс. лет назад, б – в настоящее время: 3–8 – тундровые палеосообщества, 9–13 – лесотундровые, 14–26 – северотаежные, 27–33 – среднетаежные, 34–42 – южнотаежные палеосообщества (по: Юрковская, Елина, 2009)

Археологические материалы позволяют также составить некоторое представление о распространении северного оленя в далеком прошлом, распределении животных, способах охоты на них и даже масштабах добычи. Можно, например, со всей определенностью утверждать, что олени в то время обитали на всем Европейском севере России, и значительно южнее, а также то, что их численность на юге была гораздо ниже, чем на севере. Об этом можно судить по частоте встреч костных остатков и поделок из костей оленя на местах стоянок древнего человека, в его захоронениях, а также среди наскальных изображений на берегах Онежского озера, Белого моря и Кольского п-ова (Иностранцев, 1882; Линевский, 1930; 1939; Равдоникас, 1936; 1938; Гурина, 1956; Савватеев, 1970; Верещагин, 1979; Жальников, 2006).

В историческое время область распространения лесного северного оленя наибольшей была, очевидно, в начале XVII столетия (рис. 6). В те годы он населял почти всю территорию Восточной Финноскандии, нынешние Ленинградскую, Архангельскую и Вологодскую и частично Новгородскую области (Гептнер, 1961; Siivonen, 1956). Однако уже в первой половине 18 столетия северный олень начинает исчезать в Финляндии, а к концу этого столетия его не стало на всей территории, лежащей южнее оз. Оулу, за исключением Суоменселькя и узкой полосы вдоль современной государственной границы России и Финляндии (Tegengren, 1952; Montonen, 1974; Heikura et al., 1985; Данилов и др., 1986). Весьма примечательно, что с исчезновением оленя на западной периферии его ареала связано и угасание саамской культуры, основанной на использовании ресурсов дикого оленя (Tegengren, 1952).

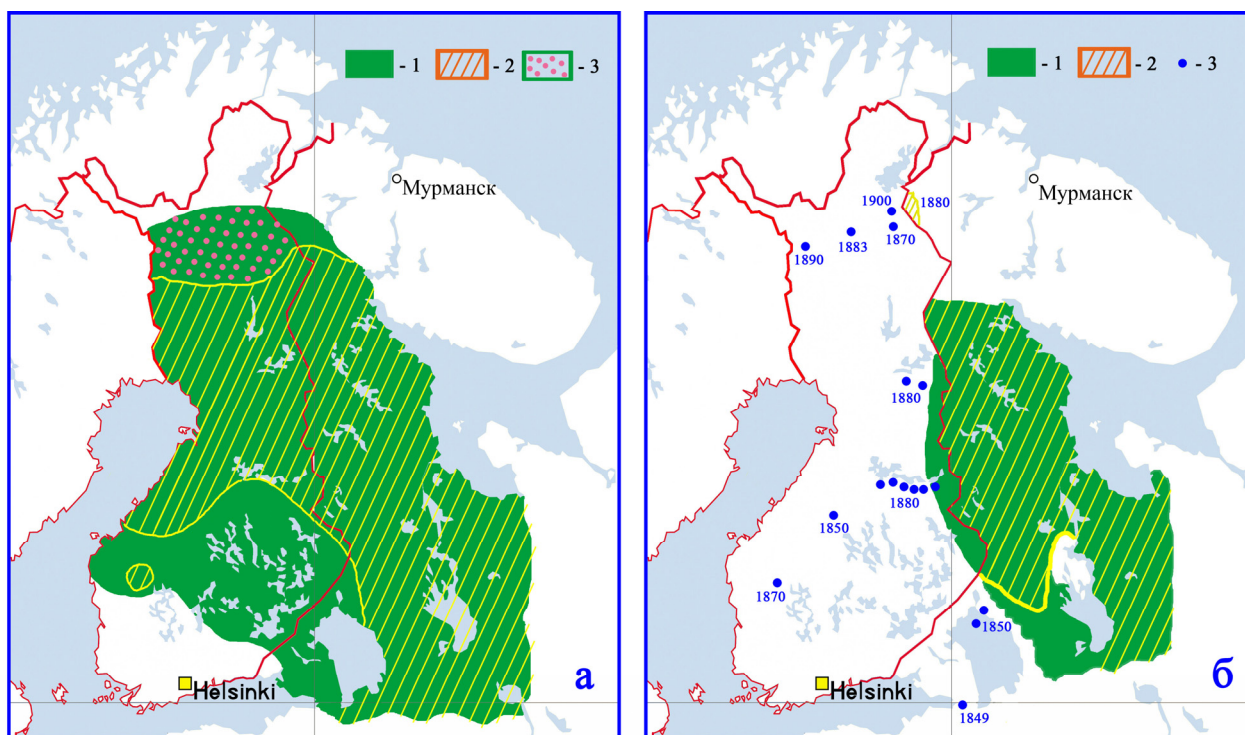

Рис. 6. Динамика ареала лесного северного оленя в Восточной Фенноскандии. Обозначения: а: 1 – XVII в., 2 – XVIII в., 3 – район эпизоотии копытки; б: 1 – середина XIX в., 2 – 1990-е годы, 3 – места отдельных встреч (по: Heikura et al., 1985; Данилов и др., 1986).

Есть несколько причин определивших здесь процесс исчезновения вида. В XVIII веке огнестрельное оружие стало доступным для среднего саама, в результате чего интенсивная охота с оленями-манщиками, проводившаяся с июля по сентябрь, а также охоты по насту, стали очень истребительны и сказались на численности диких животных катастрофически. И, наконец, в 1750–1752 гг. в лесной Лапландии среди одомашненных оленей прошла губительная для животных эпидемия копытки, упоминание о которой остались в летописных документах. Эта эпизоотия привела почти к полному исчезновению оленя на очень большой территории и не могла не сказаться на диких животных. В последующие годы поголовье домашних оленей в какой-то мере восстановилось, но в 1810–1812 гг. последовала новая эпидемия той же болезни (Montonen, 1974).

Существенное значение в судьбе дикого северного оленя на западе его ареала сыграло также прогрессирующее сведение спелых лесов в связи с подсечной системой земледелия, практиковавшейся в Финляндии до начала XX столетия, а в Карелии и других территориях Европейской части России до 1920-х годов. Обычно старые подсеки возобновлялись лиственными породами и делались малопригодными для оленей (рис. 7).

Восточнее Финляндии, т. е. на территории современной Карелии, даже в середине XIX столетия северные олени, по свидетельству К. Ф. Кесслера (1868), были обычны между озерами Онежским и Ладожским (рис. 6). А в 1856 г. зарегистрировано появление стад оленей даже на Валааме. В Пудожском же уезде Олонецкой губернии их было больше чем лосей, и за одну охоту по насту из стада добывали 5–15 зверей (Р-въ, 1866). Аналогичные сведения, относящиеся уже к 1870-м годам, находим и у И. С. Полякова (1991). Олени в те годы встречались и значительно южнее – до станции Бологое, оз. Ильмень и станции Боровичи, и еще дальше на юго-восток – в Ярославской, Костромской, Тверской и даже Владимирской губерниях (Поляков, 1871; Ильин, 1900; Туркин, Сатунин, 1902; Кириков, 1966).

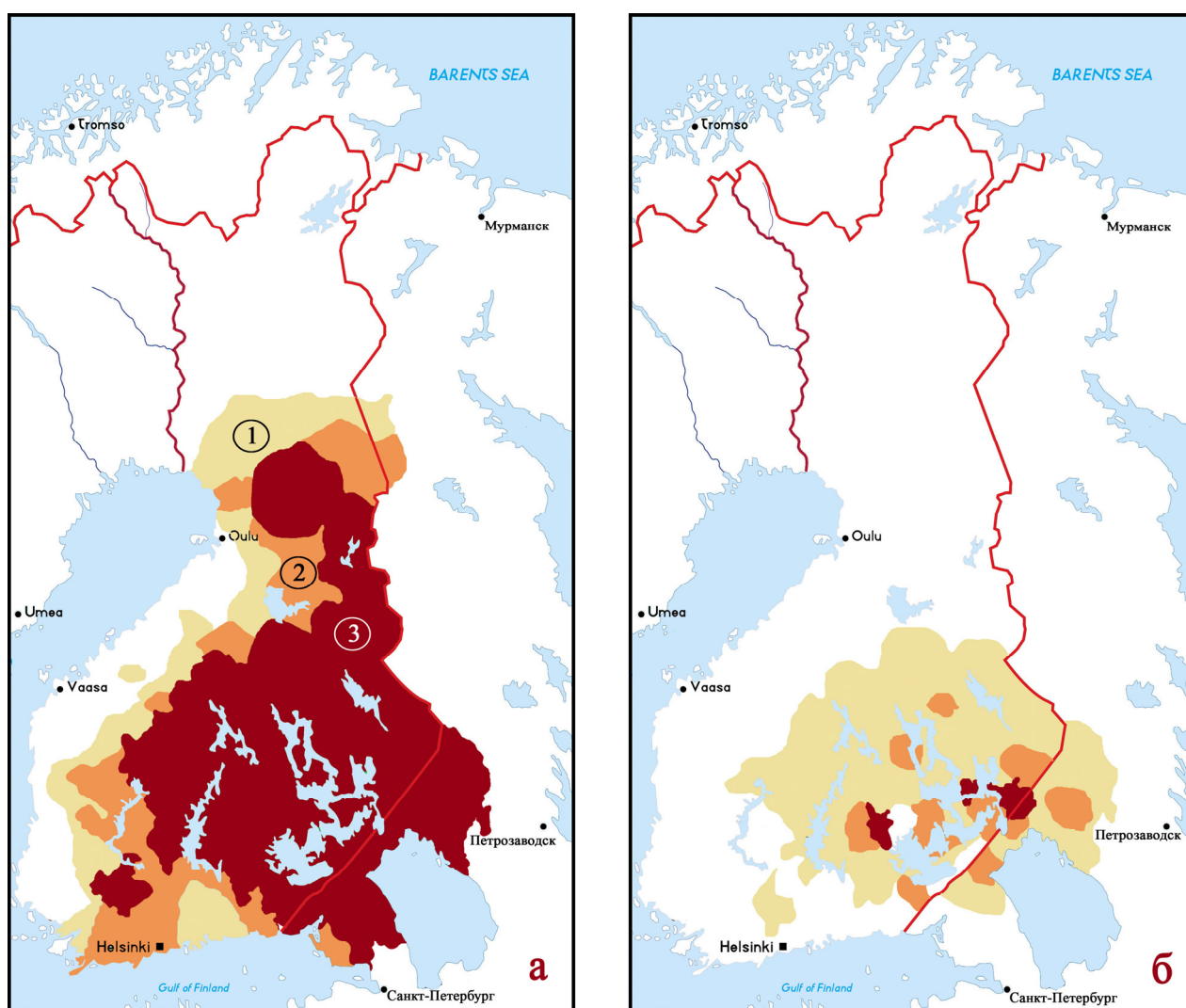

Рис. 7. Динамика территорий, подвергшихся подсечному земледелию в Финляндии: а – конец XIX, б – начало XX вв.; 1 – редкое применение подсечной системы, 2 – довольно обычное, 3 – обычное (по: Parviainen, 1996 из Громцев, 2009)

Но уже в начале 1870-х годов численность северного оленя в Олонецкой губернии заметно сократилась (Поляков, 1873). С этим согласуются и данные о добыче этих животных, приводимые А. А. Силантьевым (1898): в 1826 г. в Олонецкой губернии было добыто 1081, а в 1882 г. – лишь 766 оленей. Более того, в конце столетия оленей уже не было в наиболее развитых в сельскохозяйственном отношении районах этой губернии – Заонежье, Приладожье, на Олонецкой равнине.

В те же времена в Финляндии, на месте бывшего, почти сплошного ареала вида остались последние очаги его обитания. К 1870 г. олень занимал здесь лишь узкую полосу вдоль границы Княжества Финляндского – к северу от Ладожского озера и до оз. Куоляярви. Даже на кряже Суоменселькя, когда-то славившимся оленьими стадами, в середине XIX века встречались только случайно попавшие туда животные. Почти не стало оленей и в лесной Лапландии (Heikura et al., 1985).

М. Монтонен (Montonen, 1974), также пишет о том, что на исконных промысловых землях около Оулуярви, Вуолиеки и Пюхяннан Тавасткенкя, в районе Кухмо и в таежных лесах около Иломанси до 1880–1890 гг. держались разрозненные группы оленей. В последующие годы вплоть до середины 1950-х годов в ряде мест в Финляндии регистрировались только одиночные животные и небольшие группы оленей (Montonen, 1974; Vanninen, 1972; Sulkava, 1979).

Становится очевидным, что на южной и западной границе ареала распространение вида уже в середине XVIII века носило спорадический характер, и обитание животных было приурочено к территориям с большими массивами беломошных сосняков, моховых болот и заболоченных сосняков. Более того, как справедливо отмечает О. С. Русаков (1979), вследствие большой подвижности оленей и свойственных им сезонных миграций, они могли в тот или иной год появляться или исчезать на отдельных территориях. Тем не менее, южная граница сплошного ареала вида, построенная по данным цитированных выше авторов в те годы проходила по р. Свирь – южному побережью Онежского озера, а далее от Вытегры к южной административной границе Архангельской губ., вдоль которой распространение вида носило кружевной и очаговый характер.

Сведения о распространении оленя в Карелии, ставшей западной границей ареала, в начале XX века, крайне скудны. Так С. Благовещенский (1912) сообщает, что в 1907 г. северный олень полностью исчез в Петрозаводском уезде вследствие какой-то эпидемии. Значительное сокращение численности и ареала северного оленя произошло в период строительства Мурманской железной дороги (1914–1915 гг.), а годы Первой мировой и Гражданской войн стали катастрофическими для поголовья оленей. В дальнейшем отрицательное воздействие на популяцию оказало строительство Беломоро-Балтийского канала, а вслед за тем интенсивное освоение северных лесов (Марвин, 1959; Гептнер, 1961; Сегаль, 1962; Лебле, 1965).

На севере Карелии серьезным фактором, лимитировавшим распространение и рост численности дикого северного оленя во все годы, было домашнее оленеводство. Оленеводы активно преследовали и уничтожали диких оленей, чтоб сократить потери домашних животных, уходивших в лес за «дикарями».

Однако южнее границы оленеводческой зоны дикие олени в 1930-е годы были, если и не многочисленны, то весьма обычны, а их численность приближалась к 2 тысячам (Сегаль, 1962). Тогда же редкие и небольшие группы оленей встречались на севере Вологодской обл., формируя с Пудожским районом Карелии и с Архангельской областью единую область обитания вида. Даже в Ленинградской обл., в самом восточном ее районе, в междуречье рек Лиди и Колпи в 1930-е годы охотники встречали группы из 3–7 оленей (Брюн, 1938; цит. по Тимофеева, 1970).

В послевоенные годы в результате длительного запрета охоты и охраны численность дикого оленя в Карелии – увеличилась, расширилась и область распространения. Однако даже тогда считалось (Сегаль, 1962), что для Карелии характерен замкнутый ареал лесного северного оленя, приуроченный к средней части республики. С севера он ограничен шоссейной дорогой Кемь – Калевала и областью домашнего оленеводства, с востока – линией Мурманской железной дороги, а на западе государственной границей с Финляндией. Это мнение нам кажется недостаточно обоснованным уже потому, что в 1940-е, 1950-е годы дикие олени встречались также к востоку от Мурманской железной дороги – в Сегежском (Выгозерское стадо), Медвежьегорском и Пудожском (Водлозерское стадо) районах и составляли сплошной ареал вида, смыкаясь с его распространением в Архангельской обл. Только во второй половине XX столетия численность оленя в Архангельской обл. заметно сократилась, а его распространение на юге области приобрело очаговый характер (Паровщиков, 1959). Все еще встречались одиночные звери и в Ефимовском р-не (ныне Бокситогорский) на самом юго-востоке Ленинградской обл. (Тимофеева, 1970; Данилов и др., 1973).

Немногим позже – в 1970-е годы стало очевидным расселение оленя на запад в пределы прежнего ареала. В Финляндии в те годы оленей все чаще встречали в районе Кухмо, около Иломантси, близ Суомусалми, а в феврале 1975 г. во время авиаучета лося там было обнаружено 170 оленей. Тогда же Т. Хелле (Helle, 1975) оценивал численность оленей в районе оз. Рууна в 250 особей. Большой очаг обитания оленей в Финляндии сформировался в те годы в районе Кухмо, где уже в 1969 г. насчитывали до 90 особей. (Harinen, 1967; Vanninen, 1972; Sulkana, 1979). Столь быстрый рост населения оленей произошел в результате подкочевки большого числа животных со стороны Карелии, где в те годы начались широкомасштабные работы по строительству города Костомукша и одноименного горно-обогатительного комбината, расположенных в непосредственной близости от финляндской границы (Данилов, 2005; Данилов и др., 1986).

До середины 1970-х годов в Карелии происходил постоянный рост численности лесного северного оленя, затем она стабилизировалась и оставалась на довольно высоком уровне с незначительными изменениями по годам. На востоке Карелии сохранялась единая область распространения оленя с дикими оленями того же подвида в Архангельской области, формируя сплошной ареал лесного северного оленя до его разрыва в районе Онежско-Двинского междуречья (Куприянов, 1998; Nakala et al., 1996; Danilov, 2003).

Однако в последующем, особенно в середине-конце 1990-х годов резко, более чем вдвое, сократилась численность оленя и в Карелии, а область распространения вида на юге приобрела фрагментированный характер. По результатам авиа (2002) и наземного – Зимнего маршрутного учета (2007, 2008) общая численность лесного северного оленя в Карелии оценивается в 3000 экз. (Данилов, 2003; 2005; 2009). В те же годы в приграничной с Карелией зоне Архангельской обл. численность оленя и район его обитания также значительно сократились. Олени здесь сохранились в виде одного довольно крупного очага, примыкающего к Карелии, но изолированного с востока, и восьми фрагментов, разбросанных по всей лесной зоне области (Корепапов и др., 2003). Самый большой очаг на северо-востоке, возле Ненецкого автономного округа, с большой долей вероятности, составляют тундровые олени. Итак, современное распространение оленя в Архангельской обл. стало носить выраженный очаговый характер, угрожающий существованию вида на этой территории (Данилов, 2003; 2005; 2009; Корепапов и др., 2003) (рис. 8).

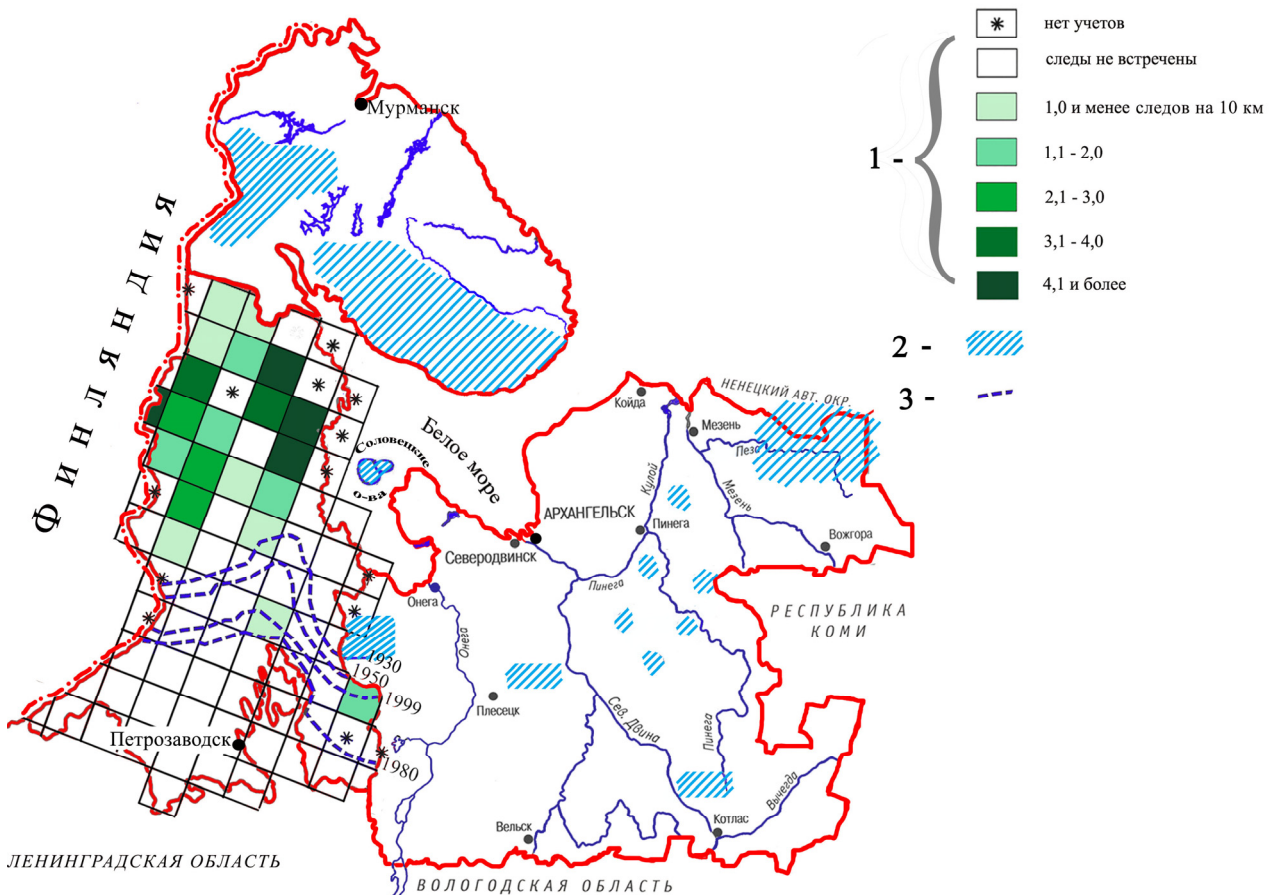

Рис. 8. Современное распространение дикого северного оленя на Европейском Севере России: 1 – численность в Карелии, следов на 10 км маршрута (по: Данилов, 2005), 2 – очаги обитания животных на Кольском п-ове (по: Ермолаев и др., 2003) и в Архангельской обл. (по: Корепапов и др., 2003), 3 – южная граница распространения в Карелии

Таким образом, область постоянного обитания лесного северного оленя в Северной Европе в наши дни занимает северо-восточную часть Финляндии (с изолированными очагами в центре страны) – северо-западную и восточную части Мурманской обл., северные и центральные районы Карелии, и запад Архангельской обл. В результате, только на части современного сплошного ареала вида можно провести южную границу его распространения – по условной линии, соединяющей: д. Ключина Гора – пос. Гимолы – северный берег оз. Сегозера – д. Данилово – г. Плесецк – верховье р. Пинеги (Данилов, 2009).

Движение численности. Этот процесс в ретроспективе рассматривался при обзоре динамики ареала вида. Здесь остается привести лишь конкретные данные динамики поголовья животных и рассмотреть некоторые причины определяющие изменение численности.

При анализе хода численности северного оленя в Карелии и сравнении его с аналогичным процессом на смежных территориях, независимо от характера использования и охраны животных, прослеживается некоторое сходство изменений численности оленей в Карелии и Финляндии. Совершенно очевидна также общность причин сокращения численности оленей в Карелии и на Кольском п-ове – это перепромысел легальный и нелегальный.

Наибольшей численности население оленя в Карелии достигло в начале 1980-х годов, в течение этого десятилетия оно держалось на этом уровне, но затем стало катастрофически сокращаться. Основной причиной этого явления стало браконьерство, невиданный ранее расцвет, которого начался в конце 1980-х. Потери популяции по этой причине достигли в те годы 50 % от общего числа животных, найденных погибшими. Особенно губительным для животных стало использование браконьерами скоростных снегоходов, при этом большое число животных гибнет, даже не от пуль браконьеров. Известно (Куприянов, 1988), что при преследовании животных на большой скорости, у загнанных оленей лопаются капилляры легких, у многих возникает эмфизема и отек. После такой погони часть животных погибает, часть – долгое время болеет.

Еще до этого трагического сокращения населения оленей в Карелии началось резкое падение численности лося – основной жертвы волка, в результате пресс хищников, остававшихся все еще весьма многочисленными, перелег на новую жертву – северного оленя. Совокупное давление этих факторов, очевидно и стало причиной сокращения численности оленя и отступления его на север.

В Финляндии в районе восточного очага обитания вида началось смещение и одновременное расширение основного района обитания животных в западном и северном направлениях. Здесь же произошло значительное сокращение сначала прироста, а затем и численности животных. Одной из главных причин этого называется влияние крупных хищников. Из них главным врагом оленей, по мнению К. Хейкура (Heikura, 1998), оказался бурый медведь, который стал причиной в 46 % случаев гибели животных (n=141), вторым хищником по масштабам ущерба, наносимого оленям, была рысь – 35 %, третьим – россомаха – 12 % и только на четвертом месте оказался волк – 9 %.

Однако очень скоро масштабы гибели оленей от волка в Финляндии возросли многократно и в конце 1990-х – начале 2000-х годов достигли 50 % от общего числа животных, найденных погибшими, при этом прирост популяции оленя сократился с 13 до 7 % (Kojola, 2007; Kojola et al., 2004). Объяснение кроется в том, что после того как Финляндия вступила в ЕС этот хищник был взят под охрану на большей части территории этой страны, что не замедлило сказаться на его распространении и численности. Серьезной причиной сокращения населения животных, изменения их распределения стала также новая линия инженерно-технических сооружений, построенная на российской стороне и частично отрезавшая оленей от их исконных мест отела и летних стадий.

Использование популяции. Охрана. В конце 1960-х – в 1970-е годы на Европейском Севере России началось ограниченное использование популяции дикого северного оленя. В Карелии оленей добывали преимущественно в местах, ранее вовлеченных в домашнее оленеводство, куда пригоняли ижемских оленей с Кольского п-ова и, где было наиболее вероятно существование гибридных животных, т. е. в Кемском районе. При этом были разработаны рекомендации по отстрелу с описанием признаков гибридных коми-ижемских оленей.

Однако, как уже говорилось, в начале-середине 1990-х годов началось катастрофическое падение численности оленя в Карелии. Первыми принятыми мерами, направленными на прекращение этого процесса, были – сокращение квоты и ограничение районов добычи животных только северными территориями. Это не имело успеха и охота на северного оленя по всей территории Карелии была запрещена. Запрет действует и поныне, хотя его результаты далеко не очевидны (Данилов, 2003; 2009).

В Мурманской обл. после истребительной промысловой кампании 1960–1970-х годов численность диких оленей обеих популяций сократилась до критической. Охота была запрещена и численность животных постепенно восстанавливается, достигнув в наши дни 1100 зверей в западной и 6–7 тысяч в восточной популяциях; начата лимитированная добыча (Ермолаев и др., 2003).

Стремительное сокращение численности и области распространения вида начавшееся в 1920-е годы и продолжавшееся на большей части таежной зоны региона до конца 1960-х, стало причиной специального внимания к лесному северному оленю уже на Первой Всесоюзной конференции по акклиматизации животных (1963 г.). Вот как это отразилось в Резолюции конференции: **«...обратить особое внимание на реакклиматизацию лесной формы северного оленя в таежной зоне Советского Союза»**. В том же году Л. Н. Мичурин в журнале «Охота и охотничье хозяйство» выступил со статьей – «Вернуть северного оленя в наши леса».

Затем эту идею пытались пропагандировать О. С. Русаков (1979; 1989) и П. И. Данилов (1979; 2003; 2005), но только в 2008 г. благодаря настойчивой инициативе Б. В. Новикова, поддержанной Институтом биологии КарНЦ РАН, Московский зоопарк начал реализацию проекта отлова в Карелии и полувольного разведения лесного северного оленя для последующей его реинтродукции в пределах прежнего ареала (рис. 9) (Данилов, 2009).

Рис. 9. Отлов оленей на Топозере (Карелия): а, б – процесс отлова, в, г – животные в корале на передержке (фото: Г. Тикка и Д. Панченко)